

Великий Гоголь предупреждал нас об этом — еще в первой половине девятнадцатого века

Лучше бы я этого не делал! Перечитал не очень отмеченную критикой и оставшуюся как-то в тени повесть Гоголя «Коляска» и впал в настоящую прострацию. О чем, собственно, вещь, какой случай лег в основу сюжета «Коляски», которую Пушкин хотел впрячь в создаваемый им новый альманах и уехать славным литературным путем-дорогою далеко-далеко? Это, по большому счету, обычная анекдотическая история, имевшая в реалиях место среди знакомых Гоголя, близких к дипломатическому корпусу. Какой-то чин решил пригласить к себе на обед коллег, да об этом попросту позабыл, отправившись в дворянский клуб. Гости съехались, «в звездах и лентах», но уже в отсутствие рассеянного хозяина и к растерянности дворовой челяди.

Математик в квадрате

У классика — почти один к одному, с той лишь разницей, что события развиваются не в столице, а в уездном городке Б., куда прибыл на длительный постой полк кавалеристов-усачей во главе с дюжим бригадным генералом и его штаб-квартирой. Да и главный герой, помещик Чертокуцкий тоже оказался из кавалеристов, «из числа значительных и видных офицеров». Но «он ли дал кому-то в старые годы оплеуху или ему дали ее», только однажды попросили Чертокуцкого в отставку. «Изрядный помещик» заложил в банке двести душ, которые числились в приданое за его «довольно хорошенькой» невестой, и мечтал поставить уездных дворян «на самую лучшую ногу», если те все-таки выберут его предводителем.

Гоголь дал своему герою несвяточное, а имя «геометрическое» — Пифагор Пифагорович, но этот математик в квадрате вряд ли умел приводить в порядок числа и нуждающиеся в том общественные институты. Напротив, хаос за помещиком, кажется, ходил по пятам и лишь ждал счастливой минуты: «Чертокуцкий, несмотря на весь аристократизм свой, сидя в коляске, так низко кланялся и с таким размахом головы, что, приехавши домой, привез в усах своих два репейника».

Единственное, что экс-кавалерист однажды совершал со знанием дела, — «заранее заказывал в голове своей паштеты и соусы», поскольку приглашал на обед бригадного генерала и господ офицеров. Но этим масштабным планам не суждено было сбыться: все рухнуло в одночасье, точнее — в период тихого часа, который с таким упоением протекал у помещика Чертокуцкого.

О чем же все-таки повесть «Коляска», или «мастерской юмористический очерк, в котором больше поэтической жизни и истины, чем во многих пудах романов других наших романистов»?

Именно так оценил гоголевское произведение «неистовый» Виссарион, но даже он, рассматривая русскую литературу сквозь призму неистребимого западничества, как-то

умолчал о той самой «истине». По его критическим представлениям, «Коляска» «есть не что иное, как шутка, хотя и мастерская в высочайшей степени». Но не мог же Гоголь сконцентрироваться только на анекдоте, каких по городам и весям Российской империи вполне хватало: как известно, писатель всегда тяжело переживал, когда его вещи воспринимали на уровне тривиального водевиля.

Аграфена Ивановна зачихала...

Под дугой запряженных в повести экипажей — полковых дрожек, четвероместного бонвояжа, венской коляски с подушками и рессорами — пока еще приглушенно, не для всех различимо звучал колокольчик от Николая Васильевича: «Господа, вы некоторым образом проспите Россию!».

В этом, пожалуй, самом компактном произведении действительно спит больше положенного не только отставной кавалерист, дают славного, послеобеденного храпака два кучера и фореитор помещика Чертокуцкого, «одного из главных аристократов Б... уезда».

Почивать сверх меры любит и сам городничий. Под его началом «строится лет пятнадцать каменное строение о двух окнах». Кроме того, стоит «сам по себе модный дощатый забор, выкрашенный серою краскою под цвет грязи, который, на образец другим строениям, воздвиг городничий во время своей молодости, когда не имел еще обыкновения спать тотчас после обеда».

«Коляска» — единственное произведение Гоголя, где фоном повести служит победоносная Русская армия после Наполеоновского нашествия, но автор с тревогой обнаруживает, что боеготовность элитной кавалерии напрямую зависит от состояния пугающейся кобылы Аграфены Ивановны, которой «дурак фершел дал каких-то пилюль, и вот уже два дня она все чихает».

Николай ЮРЛОВ.

КСТАТИ К сожалению, колокольчик Гоголя, как и голос Левши, в родном Отечестве не был услышан. Через два десятилетия после написания автором повести в Россию, отнюдь не к званому обеду, явились на быстроходных кораблях заморские гости, которые свои ружья кирпичом не чистили, да и Аграфена Ивановна у них не чихала.